

сударю бити челомъ, отсылати на Москвѣ на Патріаршѣ дворѣ, къ патріаршимъ приказнымъ людемъ и проч. (Улож. гл. 20 ст. 80) Или, говоря о разныхъ свѣтскихъ чинахъ, Горюшкинъ представляетъ цѣлое росписаніе о свѣтскихъ властяхъ, бывшихъ въ древнія времена, и для означенія степеней ихъ службы беретъ въ основаніе верстанье ихъ помѣстными окладами; и на такомъ основаніи насчитываетъ тринадцать степеней или классовъ древней службы по уложенію; классы сіи по его счету слѣдующіе: «1) бояринъ и дворовый воевода, 2) бояре, 3) кравчіе съ путемъ; 4) окольнічіе, кравчіе, казначей, постельничіе, думный генераль, думные дворяне и стряпчіе съ ключомъ; 5) печатникъ, 6) думные дьяки и Московскій ловчій; 7) ясельничій, укладничій, спальники, стольники; 8) генералы, полковники, стряпчіе, дворяне Московскіе, и степенные ключники; 9) тайныхъ дѣлъ дьяки, дворяне, которые служатъ по дворянскому списку, и дворяне городовые, которые служатъ по выбору; 10) дьяки, путные ключники, головы Московскихъ стрѣльцовъ, украинныхъ городовъ дѣти боярскія, копѣйщики, рейтары и дворяне, которые служатъ съ городомъ; 11) драгуны, солдаты, стряпчіе, чарошники, ветошники, задворные конюхи, сокольники и стременные конюхи; 12) сытники, царицына чина дѣти боярскія, подключники, кречетники, сотники Московскихъ стрѣльцовъ и капитаны; 13) Московскихъ разныхъ приказовъ подъячіе, которые верстаны помѣстнымъ окладомъ.» Конечно, такія указанія на древнія узаконенія далеко неудовлетворительны и даже иногда ошибочны въ своемъ основаніи: тѣмъ не менѣе они указываютъ хотя на неясную потребность въ Горюшкинѣ, преподавать науку Русскаго законовѣдѣнія исторически, что безспорно должно быть принято за весьма важную заслугу въ первомъ преподавателѣ Практическаго Законовѣдѣнія на Руси.

ГОМАНЪ, Георгъ Францъ, Ординарный Профессоръ Ботаники, Статскій Совѣтникъ, сынъ Доктора Медицины и Штабтъ-Физика Генриха Гомаана, родился 1766 года Января 19-го дня въ городѣ Маркбрейтѣ, что на Майнѣ. — Первыя лѣта провелъ онъ въ домѣ отца своего, не получивъ при-

личнаго воспитанія; рисовальное искусство и особенно музыка были почти единственнымъ его занятіемъ и главною склонностію. Тринадцати лѣтъ онъ отправился въ Герборнъ къ дядѣ своему, Доктору Медицины и Ботанику Адаму Гофману. Тамъ двоюродная сестра его, Сусанна Гофманъ, потомъ бывшая супругою Тиленбургскаго Президента Альмендинга, извѣстная въ Германіи по своей учености, была первою его образовательницею, наставницею въ наукахъ и въ языкахъ: Латинскомъ, Греческомъ и Французскомъ. Она умѣла направить духъ его и представить науки въ видѣ привлекательномъ, приучила находить въ нихъ не только пищу, но и наслажденіе ума, и такимъ образомъ вдохнула любовь и вкусъ къ познаніямъ. Юный Гофманъ, пылкій отъ природы, со всемімъ энтузіазмомъ предался наукамъ; особенно ему правила Ботаника, и Леерзова Герборнская Флора (*Leersii Flora Herbognensis 1775*) была первою книгою, съ помощію которой на окрестныхъ поляхъ начиналъ онъ знакомиться съ растеніями. Быть Геттингенскимъ Профессоромъ — сдѣлалось его любимую мечтою, цѣлію жизни; онъ твердо рѣшился достигъ ея — и эта рѣшимость — признакъ постояннаго характера — подкрѣпляла его въ трудныхъ занятіяхъ, которыя наконецъ увѣнчались успѣхомъ рѣдкимъ.

Обстоятельства не позволили ему долго остаться въ Герборнѣ; будучи семнадцати лѣтъ, онъ отправился въ Эрлангенъ, гдѣ въ то время занималъ важное въ Университетѣ мѣсто знаменитый ученикъ Линнея, Шреберъ, который, замѣтивъ въ Гофманѣ большія дарованія и охоту къ Ботаникѣ, старался поддержать и усилить ее — и тутъ же открылись характеръ и назначеніе Гофмана въ ученомъ мірѣ. Инымъ предоставлено совершенствовать начинанія своихъ предшественниковъ; другимъ назначено пролагать путь къ истинѣ для своихъ послѣдователей: Гофманъ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. — Если ему не было суждено сдѣлать новый собственный чертежъ для всего растительнаго царства; по крайней мѣрѣ въ частныхъ розысканіяхъ, столь же необходимыхъ для полноты системы, какъ и общія, имъ представлены изслѣдованія довольно трудныхъ растеній, и труды его въ сихъ случаяхъ весьма много способствовали къ проясненію разныхъ частей Ботаники.

Великій *Линней* показалъ способы исполнить задачу Ботанической систематики; но область растительнаго царства, состоящая изъ грибовъ, поростовъ, водораслей и мховъ, мало была озарена свѣтомъ его генія. — Сии растенія имѣютъ весьма несовершенное образованіе, и потому изслѣдованіе ихъ очень трудно, но тѣмъ не менѣе важно и любопытно, cum rerum natura nunquam magis quam in minimis tota sit, говоритъ Плиній. Растительная жизнь, производящая величественныя пальмы и роскошныя розы, въ низшихъ растеніяхъ есть та же самая; но здѣсь она находится въ первородной простотѣ и нераздѣльности, такъ сказать въ колыбели своей, изъ коей выходя, болѣе совершенствуется и разнообразится; съ нихъ—то начиная разсматривать растительную жизнь, мы можемъ замѣтить степени образованія и возрасты ея, и получить такимъ образомъ вѣрное понятіе о цѣломъ царствѣ. — И Гофманъ полюбилъ всего болѣе занятіе тайнобрачными растеніями: съ нихъ пачалъ свое ученое поприще, на нихъ основалъ свою славу и много споспѣшествовалъ къ приведенію ихъ въ порядокъ. Надобно было видѣть, съ какимъ особеннымъ участіемъ занимался ими, съ какимъ восторгомъ говорилъ объ открытіяхъ Микели, Дилленія, Линнея, Гедвига. — Въ то время, когда знаменитый Гедвигъ, открывши первый цвѣточные части у нѣкоторыхъ тайнобрачныхъ растеній, издавалъ свои оригинальныя сочиненія о мхахъ, Гофманъ обратилъ все свое вниманіе на первоначальныя растенія изъ живущихъ на сушѣ — на поросты (lichenes), которые до него составляли у Ботаниковъ одинъ только родъ. Онъ установилъ изъ нихъ въ надлежащихъ границахъ особенный порядокъ, раздѣлилъ его па роды, сдѣлалъ самъ изображенія поростовъ и описалъ ихъ какъ въ чисто-ботаническомъ отношеніи, такъ и относительно ихъ употребленія въ общежитіи, Медицинѣ и промышленности. Сіе послѣднее онъ сдѣлалъ по поводу задачи, заданной Лейденскою Академіею о *пользѣ поростовъ* (de usu lichenum), отъ которой за удачное рѣшеніе получилъ золотую медаль 1789 года. Такимъ образомъ Гедвигъ и Гофманъ, первые, начали обрабатывать удачнѣе тайнобрачныя растенія и Гофманова система поростовъ столько же важна сколько Гедвигова система мховъ: Ахарій пошелъ по слѣдовалъ Гофмана; для изслѣдова-

ній Бриделя, Вебера, Мора основаніємъ были Гедвиговы творенія.

Первое исчисленіе поростовъ *Enumeratio Lichenum iconibus et descriptionibus illustrata; Fasciculi I — IV. Erlangae 1784 in 4*) со многими рисунками Гофманъ издалъ на 18 году своего возраста. Потомъ уже въ 1790—1796 год. издалъ (въ Лейпцигѣ) превосходное, доселѣ лучшее и весьма важное для Ботаники сочиненіе, подъ именемъ *Plantae lichenosae*, состоящее изъ 3-хъ томовъ въ листъ; каждый томъ содержитъ 24 великолѣпно раскрашенныхъ рисунка. — Кромѣ сего онъ писалъ и о прочихъ тайнобрачныхъ растеніяхъ въ особомъ сочиненіи (*Vegetabilia Cryptogama. Erlangae in 4. I—IV*) и въ Германской Флорѣ, о которой упомянемъ мы ниже.

Гофманъ, для приобрѣтенія свѣдѣній въ Ботаникѣ, путешествовалъ по Голландіи и разнымъ мѣстамъ Германіи; возвратясь въ Эрлангенъ, 1786 года получилъ степень Доктора Медицины, въ которой имѣлъ обширныя свѣдѣнія; но, по характеру своему и за недостаткомъ времени отъ ученыхъ занятій по Ботаникѣ, практикою не занимался. Черезъ годъ, будучи 22 лѣтъ, сдѣлался Экстраординарнымъ Профессоромъ Ботаники въ Эрлангенѣ, гдѣ и пробылъ около 4 хъ лѣтъ. По поводу Докторства и Профессорства онъ напечаталъ *разсужденіе о пользѣ поростовъ* (*Dissertatio inauguralis de vario lichenum usu. 4. Erlangae 1787*) и *Ботаническія наблюденія* (*Dissertatio pro licentia legendi, sistens observationes botanicas. 4. Erlangae 1787*), и тутъ же издалъ важное сочиненіе, относящееся къ явнобрачнымъ растеніямъ, а именно *Исторію ивъ* (*Historia Salicum, Tom. I. Lipsiae. in folio, 1785 — 87*), какъ извѣстно, весьма трудныхъ для распознаванія. Это изданіе замѣчательно по приложеннымъ къ нему изображеніямъ, кои рисованы и гравированы самимъ авторомъ, что весьма важно, поелику изображеніе мелкихъ частей необходимо требуетъ руки Ботаника: живописецъ и граверъ — не-Ботаники, сдѣлаютъ ихъ красиво, но, не зная въ чемъ состоитъ главная отличительность, могутъ опустить безъ вниманія или переначить мелкія подробности, въ коихъ иногда заключается характеристика растеній.

Наконецъ въ 1792 году сбылось желаніе Гофмана и какъ бы предчувствіе его духа: ему предложили кафедру Профессора въ Геттингенѣ и должность Директора Ботаническаго сада на мѣсто Муррая, преемника великаго Галлера.

Здѣсь слава его распространилась: отъсюду стекались слушатели на его лекціи, въ числѣ нихъ были мужи славнѣйшіе, каковы на пр. Гёте, Маттисонъ, Гумбольтъ, Персонъ, и множество другихъ.

Король Баварскій, Людовикъ, также слушалъ лекціи Гофмана, почтилъ его особенною своею дружбою и крестилъ старшаго его сына, Людовика.

Въ скоромъ времени Гофманъ издалъ *Германскую Флору* (Deutschlands Flora oder Botanisches Taschenbuch für das Jahr 1794, 1795 и 1796 in 12. Erlangen), съ Латинскимъ текстомъ въ 3-хъ небольшихъ томахъ, формы изящной и весьма способной для ботаническихъ экскурсій. Къ ней приложены гравированные анализы злаковъ (gramina) и изображенія нѣкоторыхъ тайнобрачныхъ растений. Два изданія ея (второе 1800 — 1804) разошлись въ самомъ скоромъ времени; въ продолженіи 20 лѣтъ они были единственною Германскою флорою; ибо Шрадера заключаетъ только 4 первые класса; Мертенсъ и Кохъ въ 1822 году издали также только 1 томъ до 5 класса, и наконецъ уже въ 1825 году Блюфъ и Фингергутъ издали сокращеніе Германской флоры (Compendium Florae Germanicae Tom. I. Norimbergae), въ которомъ, по словамъ издателей, приняты всѣ правила, образъ описанія Гофмановой Флоры, но которое также доведено еще только до 14 класса.

Оба Неэсъ-Фонъ-Эзенбеки, одни изъ лучшихъ Ботаниковъ нашего времени, къ сей послѣдней Флорѣ приложили свое предисловіе, въ которомъ объ Гофмановой книгѣ отзываются съ такими чувствами: «Сожалѣли мы, что нѣтъ у насъ Германской флоры, которая могла бы служить руководствомъ въ ботаническихъ путешествіяхъ, и въ тоже время, вспоминая съ благодарностью о выгодахъ, намъ нѣкогда доставленныхъ сочиненіями Гофмана о Германскихъ растеніяхъ, тронуты были до глубины сердца, видя экземпляры втораго изданія, отъ большаго употребленія устарѣвшіе, и проч.»

Кромѣ сего Гофманъ издалъ сокращеніе *Шмиттовой Бри-*

танской Флоры (Compendium Florae Britanniae auctore Smith in usum Florae Germanicae, edidit Hoffman. Erlangae. 1801 in 16), *Описание Гарцскихъ подземныхъ т. е въ рудоконьяхъ находящихся растений* (Vegetabilia Hercyniae subterranea. Norimbergae, in folio. 1796 — 809 3 тетради и *Геттингенскаго сада* (Hortus Gottingensis, in folio. Gotting. 1793), *Исчисленіе врачебныхъ растений* (Syllabus plantarum officinalium. Gotting. 1802 in 8.) и нѣкоторыя другія. Труды его находятся также въ Запискахъ Геттингенскаго Королевскаго Общества наукъ (Commentarii societatis regiae Gottingensis) и въ повременномъ изданіи: Göttingische gelehrte Anzeigen.

Когда Государю Императору блаженная памяти Александру I-му угодно было преобразовать Московскій Университетъ, то Гофманъ въ 1803 году вызванъ былъ Попечителемъ Московскаго Университета М. Н. Муравьевымъ въ Россію, и Января 14 дня 1804 г. вступилъ въ Россійскую службу Ordinaryнмъ Профессоромъ Ботаники при Московскомъ Университетѣ, въ которой должности и находился до конца своей жизни, и за свою ревностную службу произведенъ въ Статскіе Совѣтники 1819 г. и пожалованъ Орденомъ Св. Анны 2 й степени 1822 года 28 Февраля.

Аптекарскій садъ, купленный Университетомъ, Гофманъ превратилъ въ Ботаническій, и въ 1808 году издалъ его описаніе: *Hortus Mosquensis* in fol., содержащее исчисленіе растений онаго сада, планъ его и описанія съ рисунками двухъ новыхъ родовъ растений, имъ отличенныхъ и названныхъ Razumowskya и Demidovia, въ честь двухъ знаменитыхъ распространителей Ботаники въ Россіи. — Сей садъ начиналъ уже приходить въ хорошее состояніе; но едва разцвѣтшій, въ 1812 году, былъ опаленъ пламенемъ Московскаго пожара, съ тѣмъ вмѣстѣ Гофманъ лишился своей богатой библіотеки и невозвратно—приготовленной и пополненной третьяго изданія Германской флоры.

Послѣ сего Гофманъ издалъ свои важныя изслѣдованія надъ зонтичными растеніями. Сіе семейство есть одно изъ труднѣйшихъ для распознаванія и различенія по родамъ, и хотя еще прежде занимались ими Ботаники знаменитые, каковы: Кранцъ, Гертнеръ, Шкуръ и Куртъ Шпренгель; но до Гофмана раз-

дѣленіе ихъ не имѣло надлежащаго основанія. Систематическое расположеніе, какъ всего растительнаго царства, такъ и частное семействъ и родовъ, должно быть основано на сущности и отличительномъ свойствѣ растений; ибо и внутреннія ихъ качества и силы всегда находятся въ соотвѣтственности съ наружною формою. Сущность зонтичныхъ растений заключается въ корнѣи соотвѣтствующемъ ему органѣ сѣмени (*Umbelliferarum vis praecipue in radice et seminibus residet. Linn.*), почему Гофманъ и обратилъ все свое вниманіе на сѣмена ихъ, и нашелъ, что существеннѣйшая часть въ сихъ послѣднихъ суть особенныя сосуды, содержащія въ себѣ ароматическія масла, отъ коихъ зависитъ вся сила и пряность сихъ растений; онъ первый различилъ ихъ, назвалъ Латинскимъ словомъ *vittae* (полоски), принялъ за основаніе, и по нимъ обработалъ и распредѣлилъ по мѣстамъ зонтичныя растенія, привелъ въ надлежащую совокупность, при чемъ установилъ многіе новые роды и издалъ въ свѣтъ, на издвеніи братьевъ Зосимъ, прекрасную книгу: *Genera Umbelliferarum Mosquae 1816 in 8.*, при коей приложены самыя мелкіе анализы цвѣтовъ и плодовъ сихъ растений, рисованные также самимъ авторомъ. Въ *Leipzig. Litter. Zeitung 1815, N. 285* опровергаемы были сіи начала — но истина осталась на сторонѣ Гофмана: вѣрность и прочность принятыхъ имъ началъ доказаны тѣмъ, что Кохъ, писавшій послѣ него о зонтичныхъ растеніяхъ, принялъ какъ оныя, такъ равно и терминологию и почти всѣ роды, установленныя Гофманомъ. — Тоже сдѣлали Блюфъ и Фингергутъ въ своей Германской флорѣ, и другіе.

Замѣтимъ также двѣ рѣчи, произнесенныя Гофманомъ въ торжественныхъ Собраніяхъ Университета: одну 1807 г. о *Ботаническо-Медицинскихъ садахъ* (*Oratio in Universitate Mosquensi habita de hortis Botanico-Medicis*, in 4. Mosquae. 1807), а другую 1823 г. о *распространеніи Ботаники въ Россіи* (*de fatibus et progressibus rei Herbariae, imprimis in Imperio Rutheno*): обѣ онѣ представляютъ образцы отличнаго знанія Латинскаго языка и изящества слога; къ послѣдней приложена изображенія Лотоса Египетскаго (*Nymphaea Lotus L.*) и Лотоса Каспійскаго (*Nelumbium Caspicum Fischer. Nymphaea Nelumbo*), для показанія ихъ различія.

Въ 1817 году Гофманъ вступилъ въ должность Профессора Ботаники и Фармакологіи въ Московское Отдѣленіе Медико-Хирургической Академіи, при которой издалъ весьма способное для классовъ *Сокращеніе Фармакологіи* (*Compendium Pharmacologiae in usum praelectionum Academicarum*, in 8. Mosquae. 1821); началъ изданіе *употребительныхъ растений* (*Les plantes usuelles*, in fol.) на Французскомъ языкѣ, съ прекрасными литографированными и раскрашенными изображеніями, но оно не вышло въ свѣтъ.

Травники (*herbarium*) для Ботаниковъ необходимы, и потому Гофманъ, въ продолженіе всей жизни, заботился о семъ и составилъ значительное собраніе растений, изъ коихъ часть досталась Медико-Хирургической Академіи, а другая Московскому Университету: въ сей послѣдней замѣчательно особенно собраніе растений знаменитаго Эргарта, которое можетъ похвастаться классическимъ; ибо оно составлено большею частію въ Упсалѣ, подъ руководствомъ самого Линнея.

Приведеніе въ порядокъ сего Университетскаго Гербарія и Каталогъ онаго (*Herbarium vivum sive collectio plantarum siccarum Caesareae Universitatis Mosquensis. Tomi. II. Mosquae 1824—26 in 8*) были послѣднимъ ботаническимъ трудомъ Гофмана; окончивая его, за шесть дней до своей смерти, онъ занимался опредѣленіемъ поростовъ и составилъ новую таблицу тайнобрачныхъ растений. Такимъ образомъ чѣмъ началась, тѣмъ и окончилась ученая жизнь сего мужа, замѣчательная въ лѣтописяхъ науки о растеніяхъ.—Именемъ его Ботаники назвали особый родъ растенія (*Hoffmania*), и большая часть Ученыхъ Обществъ нарекли его своимъ Членомъ: онъ былъ Директоромъ Общества Фитографическаго Геттингенскаго и Членомъ Ученыхъ Иностранныхъ Обществъ: Линнеевскаго Лондонскаго (1794), Испытателей природы Гарлемскаго (1799), Парижскаго (1799), Ганноверскаго (1800), Веттеравскаго (1808), Берлинскаго (1811), Лейпцигскаго (1819), Марбургскаго (1817), Физическаго Туринскаго (1793), Физико-Медицинскаго Эрлангенскаго (1809), Медицинскаго Швейцарскаго (1791), Физическаго Іенскаго (1796), Наукъ и искусствъ Майнцаго (1802), Вольнаго Навтскаго (1802), Готскаго (1797), Математико - Физическаго Эрфуртскаго

(1796), Ботаническаго Регенсбургскаго (1789), Королевскаго Геттингенскаго Наукъ (1792), и нѣкоторыхъ еще другихъ, также корресподентомъ Швейдфуртскаго Ботаническаго (1820), Членомъ Обществъ въ Россіи: С. Петербургскаго Фармацевтическаго (1819), и Вольнаго Экономическаго (1804), Московскихъ: Испытателей природы и Физико-Медицинскаго, а равно и установившагося было Горенскаго.

Въ 1824 году онъ занемогъ тяжкою простудою, и хотя черезъ годъ оправился, читалъ еще лекціи, и занимался науками, но уже носилъ въ себѣ разрушеніе, которое послѣдовало быстро. 1826 года въ Мартѣ мѣсяцѣ 5-го числа въ 2 часа по полуночи онъ скончался, оставивъ по себѣ двухъ сыновъ, окончившихъ курсъ Медицинскихъ наукъ въ И. М. Университетѣ, изъ которыхъ старшій Левъ (Людовикъ) и нынѣ состоитъ на службѣ, а младшій (Юлій), скоро по окончаніи курса, умеръ, и двухъ дочерей въ цвѣтущемъ возрастѣ, которая обѣ давно уже замужемъ и матери семейства.—Супруги своей лишился онъ еще въ 1817 году.

Что касается до характера и частной жизни Гофмана, то онъ слишкомъ мало заботился о благахъ фортуны; кругъ желаній его былъ ограниченъ, и потому выполненъ: пользуясь слявою ученаго, уважаемый друзьями и знакомыми, среди милаго семейства онъ находилъ все свое счастье. Музыка, навсегда оставшаяся любимымъ его занятіемъ въ свободные часы, положила на его характеръ съ самаго младенчества какой-то пинтическій оттѣнокъ: тихая веселость, безопасность, радушіе къ другимъ и самодовольствіе—поруки душевнаго покоя — были неизмѣнными спутниками его жизни, которая принесла много пользы наукѣ, а ему была наслажденіемъ и въ лѣтахъ преклонныхъ.

Одинъ изъ благодарныхъ учениковъ его, бывшій Профессоръ Ботаники М. А. Максимовичъ, описалъ жизнь его, — и этотъ трудъ предложилъ главный матеріалъ для сего жизнеописанія.

ГОФМАНЪ, Карлъ Карловичъ, Экстраординарный Профессоръ Греческой Словесности, Гессенъ-Кассельскій подданный, удостоенъ степени Доктора Философіи Магистра свободныхъ